

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СМЕРТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНА

Смертельно безмолвна

Эшли Дьюал

Смертельно прекрасна

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дьюал Э.

Смертельно прекрасна / Э. Дьюал — «Эксмо»,
2017 — (Смертельно безмолвна)

ISBN 978-5-17-103624-9

Астерия – небольшой городок на Восточном Побережье, куда переезжает семнадцатилетняя девушка – Ариадна Блэк. Ариадна потеряла семью, и теперь ей придется жить с двумя мамиными сестрами – Норин и Мэри-Линетт Монфор. С виду добрые и заботливые, они заперты в четырех стенах своего старинного особняка Монфор-л’Амори. Вскоре Ари замечает, что жителям Астерии совсем не нравятся ее тетушки. Более того, соседи их боятся. Но почему? И главное – стоит ли Ари бояться самой себя?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-103624-9

© Дьюал Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эшли Дьюал Смертельно прекрасна

© Дьюал Э., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Мы смотрели в лицо Смерти,
И Смерть моргнула первой.*

Пролог

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Например, я терпеть не могу разговоры с предками об учебе. Каждый раз, когда они затевают эту песню – а делают они это довольно-таки часто и серьезно, я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с крутого обрыва, и это мне кажется классной перспективой, ведь нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери выглядят чертовски раздражающе. Иногда я думаю, что лучше действительно спикировать с утеса, чем выслушать в очередной раз их рассуждения о будущем и прочей чепухе. Затем я возвращаюсь с небес на землю, выбрасываю из головы мысли-паразиты и киваю родителям. Порой киваю не один раз, чтобы мама перестала причитать – остановить ее сложно.

– Ты ведь особенная.

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. Мне хочется сказать, что ее наставления – глупости, но она расстроится. Мама жутко впечатлительна. Она наверняка удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. *Настоящую* историю, а не ту, в которой толстый мужик спускается по трубе и разбрасывает подарки.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окном – ни черта не видно.

Дворники работают ритмично, скребутся, как стекло о пенопласт, и нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в универмаг на отшибе, мать его, мира. Нет, не то чтобы я хотела сидеть на занятиях, просто поездки с предками заканчиваются драматично. Сталкиваюсь с мамой, вступает отец. Ну а еще ноет сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог, это жутко бесит. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недомеркам, *которые не подумали о своем будущем и потонули в омуте собственного безумия*. И со мной мама ведет себя так, будто я хоть чем-то похожа на этих маниакальных кретинов. Да, она всегда придет на помощь, но даже тогда, когда ее помощь не требуется. Это реально мешает нам с ней понять друг друга. Она вечно меня за руку держит, словно я утопающая. Но я не тону – вот в чем проблема.

– Ты не пробовала записаться на дополнительные кружки по рисованию?

– Да пошло оно все, мам!

– Ари, следи за языком!

Мама оборачивается, смотрит огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. Не люблю ее разочаровывать. И дело не в том, что я сказала: *«Пошло все»*. Я могу ругаться сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, нельзя забывать о *мать-его-прекрасном-будущем*. Целый храм поклонения какому-то там будущему, которого может и не быть! Могла бы сказать: Ариадна, забудь про дополнительные кружки для неудачников. Или: Ариадна, удели больше внимания себе и своим желаниям. Нет, Ари, цепляйся за все, что только можно, и несись так, будто за тобой мчится поезд, норовящий размазать твое лицо по асфальту.

– Мам, я слушаю музыку.

– Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и притворяюсь, будто не слышу ее. Смотрю в окно.

– Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю. – Мама выдыхает и смотрит на меня потускневшими глазами, в которых неожиданно проносится печаль. – Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

– Мам, к чему все это? Что за упаднический настрой?

– Просто... – Мама застывает с открытым ртом, отец посматривает на нее с тревогой, и тогда она встряхивает темными волосами и выпрямляется на сиденье. – Просто у меня плохое предчувствие.

– Предчувствие? Опять эти твои «странные штучки»! – я закатываю глаза. – Что на этот раз? Увидела плохой знак в чайной заварке или сон приснился?

– Ари, – протягивает отец, – хватит.

– Что? Мне просто интересно. Вечно маме что-то в голову взбредет, а я отдуваюсь.

– А я когда-то ошибалась? – Мы вновь смотрим друг на друга. Ее карие, почти черные глаза проникают внутрь меня, и живот скручивается от непонятного ощущения. – Стоит ли напомнить тебе про тот день, когда ты...

– О нет!

– ...решила сходить в кино на свидание с Беном Мак-Каффи. Я говорила, не ходите в кино, лучше в парке прогуляйтесь, а ты, конечно, назло мне и всему миру согласилась на фильм, как он назывался еще... по-дурацки как-то.

– «*Всегда говори всегда*», – помогает папа, кривя губы.

– Да, точно! А потом, что потом случилось?

– Хватит, – я прикрываю пальцами покрасневшее лицо, – ма-а-ам!

– Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подружка Синтия. И Бен целый вечер в ее сторону смотрел, потому что не мог глаз оторвать.

– Это нечестно! Такое один раз случилось.

– Такое постоянно случается, – говорит отец и смеется. – Ты никогда нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные кружки, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

– Собственное мнение.

Мама всплескивает руками, Лора повторяет за ней, будто играет в какую-то, только ей известную игру, а я расстроено вздыхаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно – не ругаться, а разговаривать? Отстойная зима какая-то.

Покрышки скользят по мокрой дороге, папа смотрит на меня, криво улыбаясь, в салоне жарко, окна запотели, и капли скатываются по стеклам, как по щекам Лоры, когда она ревет из-за мультиков. А затем неожиданно перед машиной вспыхивает что-то яркое. Мама кричит – я не разбираю слов, папа резко выворачивает руль, и машина слетает с обочины в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Но иногда мы не понимаем, что такое «лучше», что такое «плохо». Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот момент, когда Лора – мой совсем маленький, надоедливый монстр – застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родители подаются вперед от сильнейшего удара, я понимаю, что готова жить в том плохом, которое у меня было. Что мое плохое на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после – ничего...

Глава 1

Астерия

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь напротив небольшого двухэтажного дома и выкапываюсь из машины, захлопнув за собой дверь. Мои руки непроизвольно сплетаются на груди, а легкие вспыхивают огнем, будто я вдохнула горячий пар.

Коттедж старый, но выглядит прилично. Крыша черная, стены сероватые, трудно сказать, что это за архитектурный стиль, я в этом плохо разбираюсь, но здесь определенно прожило не одно поколение Монфóр-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Именно поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибается и не думает по десять минут, прежде чем позвать вас.

Меня обдувает теплый ветер – южное приветствие южного городка Астерии.

Я закрываю глаза и глубоко втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с той мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить! Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил разрешения, когда выехал на встречную полосу, и в больнице не спросили, хочу ли я проходить терапию. Собственно, социальный работник у меня тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, которые живут за счет неплохого наследства, оставленного прадедушкой. Никто ничего не спросил, и все за меня решили. Мне остается лишь стоять здесь и делать вид, что я дышу. Что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю с заднего сиденья две тяжелые сумки. Закрываю машину и на автомате плетусь к коттеджу. Калитка скрипит, когда я толкаю ее бедром. Медленно ступаю по каменной дорожке, оглядываюсь и вижу ворона, притаившегося на растопыренной ветке. Он громко каркает, и его крик прорывается внутрь меня, отдаваясь эхом в голове. Жутко здесь, очень-очень жутко. И я скептически хмыкаю.

Бросаю сумки на коврик перед дверью и встряхиваю волосами. Вытираю ладонями вспотевшее лицо и резко опускаю руки. «Просто плыть по течению», – думаю я. Это все, что мне нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. *Он пообещал мне.* Ну а я ответила, что он ублюдок, все его слова – полная чушь и что, если он еще раз скажет подобную несурязицу, я сорвусь с кресла и выбью ему его идеальные зубы. Вот так мы обменялись обещаниями, и он больше ни разу не втюхивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

В очередной раз набираю в легкие воздух, поднимаю руку, собираюсь постучать, но неожиданно дверь резко распаивается, и я проваливаюсь в пустоту, едва не задев лицо маминной младшей сестры Мэри-Линетт.

– Ариадна, – говорит она и улыбается. Глаза у тети Мэри светло-изумрудные. Таких я ни у кого прежде не встречала. – Наконец-то ты приехала.

– Да, – киваю я, – приехала.

Мэри-Линетт назвали в честь актрис, прославившихся и потухнувших в далекие 50-е годы. Родители долго не могли определиться, какое имя больше подходит дочери, и в итоге решили не заморачиваться.

Мама часто рассказывала мне эту историю. Все время смеялась. *Мама.*

Я отворачиваюсь и крепко стискиваю пальцы в кулаки. Каждое воспоминание о ней делает мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивает лицо, щеки, лоб, как тело в мгновение превращается в факел, и я ничего не могу с этим поделать. Просто горю.

– Ариадна, – шепчет тетя Мэри, кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. Я растерянно застываю. – Когда-нибудь тебе станет легче.

– Что?

– Проходи в дом. Норин чувствовала, что ты подъезжаешь. Сделала чай и разогрела еду. Ты ведь проголодалась, верно? – она смотрит на меня огромными глазами, а я просто молчу. Давно мне не было так спокойно... Однако едва тетя отнимает руку от моего плеча, как тревога тут же вонзается острым клинком в живот, и я горблю спину.

– Мне нужно...

– Не стой на пороге! Я занесу вещи. Давай же, проходи, Ари. Прходи!

Мэри-Линетт затаскивает меня в коттедж, а сама энергично подхватывает с крыльца сумки. Откуда у нее столько сил? Мэри старше меня лет на пятнадцать. Она не похожа на типичных представителей молодежи, но в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не представляют, в какое дерьмо они вляпались. Жизнь ведь дерьмо – я могу написать об этом книгу.

Мэри захлопывает дверь и подбадривающе кивает мне. В доме темновато и пахнет какими-то травами. На стенах приуныли потертые зеркала разной формы, черно-белые фотографии. Под ногами скрипят половицы. Слышу, как тикают часы, и взглядом пытаюсь их найти.

– Хорошо выглядишь, – улыбается тетя Мэри и вскидывает острый подбородок, – такая красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

– Ничего я не разбивала. – Безучастно отворачиваюсь. Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто все в порядке, и обсуждать парней – нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по Мэри или Норин, а потому, что умерли мои родители, и как-то странно выбрасывать этот факт из головы. – И выгляжу я обычно.

– Может быть, прогуляемся? Я покажу тебе Астерию.

– Может быть.

– Было бы неплохо выбраться на воздух вместе, Ари.

– Было бы неплохо свыкнуться с мыслью, что я здесь, а не дома. – Я перевожу взгляд на младшую сестру матери: – Сейчас мне хочется только этого – и все.

Мэри-Линетт протяжно вздыхает, но продолжает улыбаться. Не понимаю, как она силы находит. Почему способна разговаривать? Почему ходит с таким лицом, будто ничего не случилось? Может, она так долго не видела маму, что успела забыть ее?

Задумчиво свожу брови. Иду за Мэри-Линетт и через несколько секунд оказываюсь на уютной кухне, где возле плиты стоит средняя сестра моей матери Норин – высокая и худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Ее тонкие длинные пальцы рвут листья салата и складывают их в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосые туфли, наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки. Они плюхаются на пол, разносится эхо, и тетя Норин растерянно оборачивается, сощуриив серо-голубые глаза – они у нее такого же цвета, как пятнистые озера в Британской Колумбии.

– Ариадна? – тихим голосом спрашивает она и вытирает ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, она достойна жизни в XIX веке, а не коттеджа в веке информационных технологий. – Ари!

Норин делает несколько широких шагов и внезапно прижимает меня к себе, да так крепко, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони ей на плечи.

– Как ты? – шепчет она мне в волосы. – Устала?

Не знаю, что ответить, поэтому молчу и жмурюсь. Так неожиданно, но мне не хочется отстраняться, хочется провести в таком состоянии вечность. Но тетя почти молниеносно размыкает объятия и поправляет воротник свитера. Лицо у нее непроницаемое.

– Садись. Выпей чаю и поешь. Я приготовила тебе комнату на втором этаже. – Норин проходится пальцами по коже под глазами и порывисто отворачивается. Облокачивается о разделочный стол и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то. – Ты любишь мяту?

Открываю рот, но она уже отвечает:

– Да, любишь. Точно.

Растерянно улыбнувшись, я усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, складывает руки в замок перед собой, и мы замолкаем, будто видим друг друга впервые. Неловкая ситуация. Я поправляю волосы, они у меня огненно-рыжие, как медь, и собираю их в пучок. Трудно сказать, что именно я сейчас чувствую, пожалуй, мне не по себе.

– Как доехала? – деловым тоном интересуется Норин, добавляя в чай мяту.

– Хорошо, без проблем.

– Мы записали тебя в школу, отдали документы. Занятия уже идут пару недель, но...

– Но идти завтра не обязательно, – громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру, – если хочешь, отсидись пару дней или недель. Ничего не случится.

– Хотя лучше, – добавляет Норин, – уроки не пропускать, все же начало года.

– Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

– В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

– А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

– *Ейцужно* ходить в школу.

– А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить, – шепчет она, наклоняясь ко мне, а затем вновь глядит на сестру: – Ариадне надо привыкнуть, вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Хлопаю ресницами и ощущаю, как в воздухе повисает напряжение. Ну и странные у них отношения!

– Я сделаю, как вы скажете. Завтра в школу? Хорошо.

– Норин так не говорила.

– *Ятак* сказала, – заявляет Норин холодным тоном.

– Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

– Я сейчас дам тебе понюхать асафетиду, – развернувшись, угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетида – это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

– Все в порядке, вы чего? – я приподнимаю ладони в сдающемся жесте и встаю из-за стола. Норин и Мэри-Линетт синхронно переводят на меня взгляды. Никогда раньше я не замечала, что они так похожи. – Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

– Это необязательно.

– Тетя Мэри, все в порядке. Мне плевать, правда. Не хочу ни о чем думать, а в школу пойду, чтобы занять мысли.

– Реджина велела бы тебе идти, не пропускать занятия и не терять времени, – шепчет Норин, но на меня не смотрит, а пялится на свои руки и кромсает моцареллу. В груди у меня начинает покалывать. – Она не оставила бы тебя дома, потому что надо двигаться дальше, и я хочу, чтобы ты двигалась дальше. Понимаешь?

Мы смотрим друг на друга. Взгляд у тети Норин пронзительный. Меня немного трясет. Я сжимаю кулаки.

– Понимаю. Я в комнату пойду, хорошо? А поем попозже.

– Тебя проводить? – приподнявшись, спрашивает тетя Мэри, но я качаю головой: – Не надо.

– В доме много спален.

– Не волнуйся. Я найду, а потом спущусь к вам – попозже. – Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, но выходит паршиво. Мэри-Линетт бледнеет. – Все в порядке. Честно!

Я не знаю, зачем говорю это, кого пытаюсь убедить. В горле застревает колючий ком, будто крик, готовый вырваться наружу, и, подхватив с пола сумки, я срываюсь с места, надеясь как можно скорее найти свою комнату и спрятаться.

Никто за мной не идет. Ношусь, словно сумасшедшая от одной двери к другой, а когда нахожу нужную спальню, пятки у меня пылают, будто бы я металась по горящим углям. Захлопываю дверь, бросаю вещи и начинаю расхаживать по комнатухе туда-сюда. Я ничего не вижу. Не вижу, какого цвета обои, не вижу, стоит ли кровать, есть ли окно. Все превратилось в огромное черное пятно, и оно наваливается на меня, как гигантский камень.

Выпрямляюсь, растерянно оглядываюсь и наталкиваюсь на свое отражение в большом зеркале. Со мной что-то не так, что-то не то с глазами. Подхожу ближе и вижу на щеках мокрые дорожки, сосуды в глазах полопались, а губы дрожат, словно мне жутко холодно. Что за черт! Пытаюсь успокоиться, а внутри так и пылает пожар, неистовый и безжалостный. Прижимаю пальцами веки, но слезы все равно катятся. Стискиваю зубы, подбородок дрожит.

И я просто ложусь на кровать, беспомощно подогнув под себя ноги. Доктор говорил, что однажды мне станет легче. Какой же он все-таки ублюдок!

Не знаю, сколько проходит времени – час или два, я все-таки нахожу в себе силы и поднимаюсь с постели и осматриваюсь. Что ж, комната совсем небольшая, стены черные, широкое окно закрывает серый тюль. Пол старый и потрескавшийся, немного стертый. Но мне нравится. Люблю, когда темно, свет не пробивается сквозь шторы и не врезается в глаза, только тогда мне уютно, будто мрак скрывает то, чем я ни с кем не хочу делиться.

Поднимаюсь с кровати и осматриваю небольшой деревянный комод и стол. Я не должна попусту растрачивать время, но возиться с вещами нет желания. Не люблю я раскладывать по местам то, что потом обязательно окажется черт-те где.

Раскрываю сумки и, особо не заморачиваясь, кучей запикиваю вещи в комод, а потом с трудом задвигаю ящик – дело сделано, и радости моей нет предела. На стол вываливаю книги из второй сумки. Складываю их в шатающуюся пирамиду. Сойдет! Вопрос, что завтра надеть в школу, меня не мучает. Не думаю, что это важно, тем более я не собираюсь производить впечатление – мне не до одобрения людей. Пусть сначала себя одобряют, а потом мне что-то высказывают.

Я стягиваю с себя ветровку и достаю из комода мятый свитер. В самый раз! Нахожу в пакете старые кроссовки – с протертыми пятками, но любимые – и выскакиваю из комнаты, как из тюремной камеры. Мне нужно освежиться.

Не хочу встретить тетюшек, поэтому к выходу бегу на носочках, стараясь не скрипеть половицами. Естественно, все тонкости дома мне неизвестны, и к входной двери я крадусь, как бегемотиха, постоянно задевая что-то и снося на своем пути даже то, чего на моем пути не было. У выхода едва не роняю вазу с ярко-сиреневыми орхидеями. Каким-то волшебным образом я подхватываю ее на лету, и на лбу у меня появляется испарина.

– Черт! – Господи, и что со мной? Поворачиваю ручку, дергаю дверь на себя и испуганно цепенею, увидев перед собой бледное лицо тети Мэри.

– Ари?

Вот же лажа! Мэри стоит в такой позе, будто давно меня поджидает. Я застываю от ужаса: лицо у нее белее снега, а глаза горят так, словно в них пляшет пламя.

– Я просто хотела...

– Что хотела?

– Прогуляться. – Я судорожно сглатываю и отбрасываю назад волосы. Мэри-Линетт выпрямляет спину. Взгляд у нее недоверчивый и пронзительный, кажется, она хочет испепелить меня прямо здесь.

– Ночью? Одна? – спрашивает она. – Глупая затея.

– Астерия – криминальный городок?

– Каждый город чем-то опасен. – Тетя Мэри неожиданно расслабляется. Ее плечи опускаются, а на губах появляется знакомая мне легкая улыбка. – Я с тобой пройду.

– Мне ведь не пять лет, тетя Мэри.

- Мне, знаешь ли, тоже, но я предпочитаю ходить в компании. И тебе советую.
- Все так плохо? – интересуюсь я и выхожу из дома.

Мэри-Линетт громко хлопает дверью и через несколько секунд оказывается рядом. Она решительно подхватывает меня под локоть. В небе ни звезды. Ветер замер, в воздухе плавают невыносимая жара. Мы идем по пустым улицам, тихо ступая по асфальту. Из открытых окон коттеджей доносятся голоса, музыка... Я пытаюсь убедить себя, что мой дом теперь здесь, но у меня ничего не получается. Это месточужбое, пусть и красивое.

– Мне кажется или ты явно преувеличила, когда сказала, что здесь второй Детройт? – спрашиваю я у тети.

- Я просто не хочу, чтобы ты бродила одна по незнакомым улицам, – отвечает Мэри.
- Ну ладно, выкладывай: ты поджидала меня на пороге?

Тетя Мэри усмехается, опускает голову, и ее черные локоны каскадом падают с плеч.

- Даже на улице тебя было слышно, – признается она, – сбегать из дома ты не умеешь.
- Да я никогда не пробовала.

– А я поставила рекорд. Мама постоянно вылавливала меня где-то.

– И почему ты убегала? – Я с интересом смотрю на Мэри-Линетт. Она красивая. Мне кажется, если она и сбегала, то для свиданий с плохими парнями, которые определенно не могли глаз от нее отвести.

– По разным причинам.

– Например?

– Например, меня раздражали правила, *вечные правила*, которые никто не вправе нарушать. Ты знаешь нашу бабушку. – Мэри бросает на меня лукавый взгляд и улыбается. – С ней трудно было спорить.

– Что за правила? – я почему-то усмехаюсь. – Мама никогда не говорила, что Силест держала вас в ежовых рукавицах.

– Может, потому, что твоей маме меньше всех досталось. Она уехала до того, как Силест атаковала нас параноидальными правилами. Знаешь, Реджина не была любимицей в семье, но она *всегда делала все правильно*, придраться к ней совершенно невозможно. – Тетя Мэри тяжело вздыхает. В глазах у нее мгновенно проносится столько чувств, что я не успеваю ухватиться ни за одно из них. – Она была хорошим человеком. Я уверена, останься она дома, проблем у нее не возникало бы.

– Да. – Я стискиваю зубы и опускаю голову: – *Была*.

– А знаешь, что самое смешное? Мы с Норин постоянно с матерью ссорились, рвались на свободу, будто одержимые, а Реджина слушала ее. *Всегда*. Но именно она уехала.

– Как? Как она решилась?

– Влюбилась.

– Seriously?!

– Ну да! Встретила Люка, и все само собой завертелось. Мне исполнилось тринадцать, когда ты родилась. Я вообще мало что понимала. Но одно заметила: мама выдохнула, словно с ее плеч груз упал. Она прекратила свои издевательства, мы с Норин задышали! И я тогда не понимала, в чем дело. А сейчас...

– Сейчас понимаешь?

– Немного. – Тетя Мэри пожимает худыми плечами и неожиданно переводит на меня взгляд, полный вины: – Ты не против, что я... говорю о Реджине. Прости!

– Нет, что ты! – энергично киваю головой и придвигаюсь к Мэри-Линетт ближе. – Ты словно соединяешь меня с ней. Правда! Так хочется тебя слушать.

– Ты смелая, Ари.

– Скорее отчаянная. Наверное, стоит забыть обо всем. – Я отворачиваюсь. В груди покалывает. – Стоит отпустить маму, Лору и отца.

– Ну, ты поделись секретом, если получится, Ари! – горько улыбается Мэри-Линетт и вновь пристально смотрит на меня. – Вряд ли кому-то удалось избавиться от воспоминаний. В отличие от хороших плохие воспоминания остаются с нами надолго.

Воздух становится прохладным. Я поправляю волосы, оглядываюсь и непроизвольно наткнулась на взгляды двух женщин, стоящих на другой стороне дороги. Они смотрят так пристально, что мне становится не по себе. Я дергаю тетю Мэри за руку:

– Что это с ними? – Незнакомки продолжают испепелять нас взглядами. Интересно, тут все такие дружелюбные? Я чувствую, как Мэри-Линетт с силой сжимает мою руку, и недоуменно перевожу на нее взгляд: – В чем дело?

– Ни в чем. – Мы ускоряем шаг. – Не обращай внимания.

– Я могу сделать вид, что ничего не случилось, но это странно. Чего они так пялились? Дай угадаю! Новенькие в Астерии не в почете?

– Ты тут ни при чем.

– Тогда кто при чем?

– Это долгая история, – отмахивается тетя Мэри, но я заинтригована и сбита с толку. В Северной Дакоте никто не стал бы церемониться и уже давным-давно врезал бы таким любопытным идиоткам по лицу. – Нашу семью в Астерии недолюбливают, ты же знаешь.

– Думала, все это выдумки. – Я удивленно вскидываю брови и усмехаюсь: – Неужели жители Астерии действительно сторонятся коттеджа Монфор-л'Амори?

– И не только коттеджа. Вместе с предками нам по наследству перешли еще и глупые предубеждения. Вот что значит – пускайте корни в новом месте, иначе застрянете вместе с паразитами. – Мэри-Линетт хмыкает и тянет меня в обратную сторону: – Думаю, нам пора возвращаться. Если тебе завтра в школу, нужно идти спать.

– Но чего именно боятся горожане? – спрашиваю я. – Мама ничего мне не рассказывала об этом.

– И хорошо, иначе спала бы ты, моя дорогая, по ночам совсем не сладко.

– Я заинтригована. Расскажи, тетя Мэри.

– Ну что ты как маленькая!

– Но мне правда интересно.

– Нет в этом ничего интересного, – всегда веселая и общительная Мэри-Линетт становится печальной. Она отводит взгляд в сторону и шепчет так тихо, что я едва слышу: – Я многое отдала бы, чтобы никогда об этом не знать.

Глава 2

День первый

Я собиралась поехать в школу на машине. Но утром меня разбудили яркие солнечные лучи. Они прорывались сквозь толстые серые шторы, и я, не веря, поднялась с кровати.

В Северной Дакоте все дни промозглые и холодные. Нет, случается тепло, но так редко, что я забывала, каково это – нежиться утром на солнышке. Глупо, да, но у меня возникло желание пройтись пешком по солнечной Астерии, и я понеслась в ванную комнату, дабы не терять времени зря.

Волосы после душа торчали в разные стороны. Я взъерошила их пальцами, пригладила и не глядя вытащила вещи из комода: старую футболку «Рамоунз» и нелюбимые джинсы, потертые и дурацкие, но я нашла их на барахолке и отдала всего три бакса. Экономия стоила того. Сидели они нормально, пусть и бесили меня.

Я никогда не переезжала и ходила в одну школу, поэтому понятия не имела, что нужно взять с собой. Какая разница? Ну, не съедят же меня, если я не возьму пару лишних тетрадей. Ну а даже если и скажут что-то, то пожалеют. Я школу никогда не любила. Правда, есть одна проблема: тут я никто. Нет моего отца, который вставал на мою сторону, что бы ни происходило. И мамы нет, которая взорвала бы мозг обидчикам психологическими формулировками и убеждениями. Тут я одна. Меня никто не спасет, не прикроет, придется самой отвечать за свои поступки. А если учесть, что у семьи Монфор здесь не так много друзей, легко точно не будет.

Спускаюсь по лестнице, скользя ладонями по шероховатым перилам. Этот дом такой старый, но в то же время есть в нем что-то завораживающее. Наверное, меня очаровывает неизвестность. По этим ступеням ходили моя мама, моя бабушка и ее мама. Разве в это так просто поверить? О нет! Как представлю себе призрачные голоса, гуляющие по мансарде, так сразу душа леденеет.

– Ари, зайди на минутку, – слышится с кухни голос тети Норин, и я послушно иду к ней, на ходу разминая плечи. Поспать нормально не получилось. Я ворочалась, невольно вспоминая то, о чем хотела бы забыть. – Твой завтрак и обед.

Тетя Норин, одетая в закрытый свитер и плотные брюки, протягивает мне упаковку с чем-то горячим. Я благодарно улыбаюсь.

– Спасибо, – говорю я и прячу еду в сумку.

– Ты прекрасно выглядишь, – улыбается Норин. Она спокойна, но робка. Такое впечатление, будто тетя всеми силами старается выглядеть отрешенной. – Знаешь, ты очень похожа на бабушку. Тебе говорили?

– Да. Пришлось рассказать, ведь ни у кого в нашей семье нет огненно-рыжих волос. – Я криво ухмыляюсь: – Такое трудно скрыть.

– Глаза у нее тоже были изумрудными, – задумчиво продолжает тетя, приближаясь ко мне почти вплотную, – поразительное сходство.

Неуверенно улыбаюсь. Не знаю, почему сравнение с бабушкой заставляет мою кожу покрыться мурашками, будто бы Силест Монфор была опасным и чужим человеком.

Я собираюсь уйти, однако тетя Норин вскидывает руку и восклицает:

– Подожди, совсем забыла! – Она подбегает к шкафам с травами. Ищет там что-то, бормоча себе что-то под нос. Я с любопытством наблюдаю за ней. Когда тетя Норин выпрямляется, в пальцах у нее перевязанный пучок каких-то сухих растений: – Держи!

Я недоуменно вскидываю брови, но все же принимаю подарок:

– Что это?

– Люцерна.

– Люцерна?

– Это к удаче, Ариадна. Спрячь в сумку или в карман джинсов. Станет страшно, просто прикоснись к ней. Волнения исчезнут, я обещаю.

Растерянно гляжу на тетушку. Так-так, *мамины штучки*. Она тоже любила говорить нечто подобное, пропитанное магическим смыслом и звучащее как полная околесица. Трава, приносящая удачу? Ну а почему бы и нет, верно?

Я натянуто улыбаюсь:

– Спасибо.

– Я серьезно, – будничным тоном говорит тетя Норин. – Мысли материализуются, а люцерна поможет тебе направить их в нужное русло.

– Окей. Как скажешь.

Я усмехаюсь, но траву не выбрасываю. Прячу ее в сумку и выхожу из кухни. У меня чокнутая семейка. Если все Монфор-л'Амори верили в то, что травы приносят удачу, а сны становятся явью, неудивительно, что никто не рвался с ними общаться.

Я выхожу из коттеджа и невольно улыбаюсь. Вот уж не думала, что смогу улыбаться. После смерти родителей и Лоры мое сердце превратилось в глыбу льда. Несколько долгих месяцев я не могла даже слова произнести, не то что встать или рассмеяться. А теперь на моем лице плавает легкая улыбка. Возможно, я привыкну, буду жить дальше.

Я хочу верить в лучшее, потому что прыгать с крыши не собираюсь. Выходит, мне остается или взять себя в руки и послать к черту всю боль, что наполнила мое сердце, или согнуться под ее тяжестью и провести оставшуюся жизнь в скитаниях по тем воспоминаниям, которые мелькают в голове.

Что я выберу? Или, точнее, на что у меня хватит сил?

Астерия – небольшой городок. Уверена, почти все уже знают о моем переезде. Мне даже мерещится, что за мной кто-то следит, идет буквально по пятам! Я постоянно оборачиваюсь, но натываюсь не на скрывающегося в кустах незнакомца, а на удивленные лица, местные жители открыто и нагло провожают меня настороженными взглядами. Так и хочется вернуться домой и вытрясти правду из тети Мэри. С чего вдруг такое отношение к нашей семье? Ладно-ладно, возможно, тетя Норин десять минут назад и предложила мне засохшую траву, которая каким-то волшебным образом должна помочь мне. Ну и что? Соседи ведь смотрят на меня не как на чудачку, я вдруг думаю, что они меня боятся. Но с какой стати? Это очень странно.

Я плутаю по улицам, понятия не имея, куда мне идти. Господи, что же такое! Я даже не подумала, что в таком крошечном городке можно потеряться. Школа должна находиться в центре, а все дороги вести к центру. Разве не так?

– Я идиотка, – констатирую я, застыв перед очередным тупиком, и запускаю пальцы в волосы. Мне бы путь спросить, но, едва я оборачиваюсь, люди начинают идти быстрее. Мамочки подталкивают своих детей вперед, мужчины закрывают в машинах окна. Вот это меня не просто удивляет, а раздражает. Что они творят? – Дьявол!

– На твоём месте я не выражался бы таким образом, – неуверенно и, как по мне, так еще и заторможено, произносит кто-то, и я резко оборачиваюсь.

У стены стоит невысокий парень. На вид ему столько же, сколько и мне, а еще у него прямоугольные очки, древние кроссовки и зачесанные набок – ох, реально ведь! – волосы. Я прыскаю со смеху и переспрашиваю:

– Что?

– Я про дьявола.

– А что с ним?

– Когда подобные фразы слетают с языка представителей семьи Монфор, на улицах становится пусто и одиноко. Если ты не хочешь нарваться на неприятности...

– На какие еще неприятности? Ты кто вообще такой?

– Я Хэрри. Или, если точнее, Хэйдан Эбнер Нортон, – парень неожиданно подскочил ко мне. Рукопожатие у него что надо. Чуть не взвыв от боли, я возмущенно отстраняюсь. – Приятно познакомиться.

– Ага! Не то слово. – Я вновь гляжу на незнакомца. Ох, ну и видок у него! Приходится быть милой, хотя обычно с добротой у меня проблемы, но я решаю пересилить себя и даже улыбаясь, что мне отнюдь не свойственно. – Мне пора, я в школу опаздываю, прости. До встречи!
Которой не будет.

Злорадствую и поворачиваюсь к парню спиной, однако уже через несколько секунд он оказывается справа от меня и причмокивает, издеваясь над жвачкой. Вот же черт! Разве можно быть таким навязчивым?

– Я не понравился тебе, ну я никому не нравлюсь, – гордо заявляет он, и я внимательно смотрю на него. Странный парень. – Но я могу проводить тебя до школы.

– С чего ты взял, что меня нужно провожать?

– Да ты плутаешь уже минут двадцать.

– Я не... Эй! – Я притормаживаю перед пешеходным переходом. Грудь наливаются кипятком. – Откуда ты знаешь? Ты за мной шел?

Парень покачивает головой, взвешивая варианты, а затем признается:

– Да.

– Да? Ого, какая честность.

– Ты все равно узнала бы правду.

– И каким же образом?

– Ну как же! Все эти вуду-штучки семьи Монфор. – Хэрри, или как его там, усмехается и подталкивает меня вперед, когда загорается зеленый. Вот же наглец! – У нас с тобой на самом деле много общего.

– Да неужели!

– Ну, я так думаю. Ты *наткнулась* на тупик, а я в *тупике* уже последние шесть лет.

– Почему именно шесть?

– Потому что ровно столько я учусь в старшей школе.

– И чем плоха старшая школа в Астерии?

– Любая школа плоха, когда у тебя нет друзей, – парень громко чавкает жвачкой и пожимает плечами.

– Знаешь, трудно найти друзей, когда ты преследуешь людей на улицах. Не думаю, что кому-то это нравится. Кажется, в законе даже статья есть по этому поводу.

Мы подходим к невзрачному четырехэтажному зданию. Хэрри или Хэйдан – *ну и имечко* – упирается взглядом в асфальт и засовывает руки в карманы джинсов. А я с интересом изучаю темно-желтое здание, заполненную стоянку и плакаты, нарисованные чьей-то кривой рукой. Да уж! Выглядит все так, словно здесь держат под замком сотни детей.

– Что ж, Хэрри, – я перевожу взгляд на парня и задумчиво прикусываю губу. У незнакомца красивые глаза. Жаль, что он скрывает их под нелепой оправой очков. – Ты расскажешь мне, зачем ты меня преследовал?

Хэрри поправляет рюкзак и отклоняется, когда какой-то футболист проходит мимо. Я неожиданно понимаю, что ему здесь серьезно попадает. Мои руки вспыхивают.

Парень робко улыбается, косится в сторону спортсменов, проверяя, ушли ли они, и говорит:

– Я живу рядом, поэтому и шел за тобой. Думал, ты заблудилась.

– Так ты пытался мне помочь? – Я улыбаюсь: – Мило. – Впрочем, это совсем не мило, но мне вдруг хочется поддержать этого странного парня в огромных очках. Я тут еще никого не знаю, вот и будет друг. От своих же мыслей мне хочется смеяться. – Может, мы с тобой на обеде встретимся? Расскажешь, что здесь и как, а?

– Ну... я... – Хэрри смотрит в сторону, а затем переводит на меня растерянный взгляд: – Что?

– Давай вместе пообедаем. Тут же есть столовая или кафетерий.

– Ты серьезно?

– Да, вполне.

– Звучит здорово. Классное предложение, да, – парень улыбается. И улыбка у него красивая, мне приходит в голову, что парню стоит сменить имидж, тогда и друзей у него прибавится.

– Меня зовут Ариадна.

– Хэрри.

– Я помню.

Парень хлопает себя по лбу и медленно отходит в сторону.

– Увидимся, верно?

– Ага, – я киваю и закатываю глаза. – Пока!

Мы расходимся, а я почему-то смеюсь. Уже второй раз за день! Или третий? Может, тетя Норин была права и эта – как ее там – люцерна действительно приносит удачу?

Школа Астерии небольшая и непримечательная. Главный административный корпус построен из темно-желтого камня. Остальные здания – из темно-красного кирпича, и только вывеска говорит о том, что здесь учатся дети, а не отсиживают свой срок преступники.

Площадь перед главным входом забита подростками. Многие из них глядят на меня, а если точнее, то смотрят на меня *почти все*. Но я слишком увлечена своими мыслями и потому не реагирую. Могут пялиться весь день – мне все равно.

Внутри так светло, что я прищуриваюсь. Повсюду люминесцентные лампы, на окнах – ни жалюзи, ни занавесок. Все открыто и гласно. Уверена, что каждое сказанное мною слово станет достоянием публики. Это отвратная перспектива, я ужасно люблю ругаться и поливать грязью тех, кто поливает грязью меня.

Девушки улыбаются и отворачиваются, когда я прохожу мимо, *очень тактично с их стороны*, чего не скажешь о парнях, которые смотрят на меня почти плотоядно, будто собираются накинуться на меня. Да уж, просто изголодавшиеся животные. Несколько высоких незнакомцев в бело-синей спортивной форме проходят мимо. Они специально задевают меня плечами, а потом, обернувшись, хохочут, словно отпустили классную шутку. Это у них такой способ снять подругку? Класс! Я одергиваю футболку и пытаюсь найти расписание. Понятия не имею, куда идти. Прикасаюсь пальцами к засохшей люцерне тети Норин, которая торчит из моей сумки. А вдруг поможет?

Как это работает? Я продолжаю идти, но теперь сжимаю перевязанный пучок вкусно пахнущей травы. Наверняка надо попросить. Ну что ж: *«Дорогая люцерна, я Ариадна Блэк, и я очень хочу найти кабинет администрации. Мне осточертело ходить по этим похожим коридорам. Смотреть на эти лица и мечтать о том, как я подрываю школу к чертовой матери. Пожалуйста, направь меня!»*

Приподнимаю подбородок. Не работает. Нужно просить лучше? Хорошо: *«Я обещаю, что постараюсь посещать почти все уроки»*. Вновь смотрю по сторонам. *«Ну и, возможно, я даже улыбнусь кому-то»*. Черт возьми! Ничего не получается. Я встаю возле стены с каким-то ярким плакатом и недовольно хмурю брови.

Оглядываюсь, но вижу лишь незнакомые лица. Прикрываю глаза и ощущаю, как в груди громко стучит сердце. Хочу выглядеть сильной, хочу казаться равнодушной и уверенной. Но на самом деле мне страшно. Меня никогда не заносило так далеко от дома, я никогда не была одна. Здесь все не то, перекошенные лица, настороженные взгляды.

– Мисс Блэк?

Открываю глаза. Передо мной седовласый мужчина с горбатым носом и со смешными усами. На нем простой черный костюм, на рубашке поблескивают серебристые запонки. Лицо у него доброе, морщинистое – наверное, часто улыбается.

– Ариадна Блэк? – переспрашивает он.

– Да, это я.

– Отлично! Я директор Барнетт. Почему вы тут стоите? Я ждал вас в кабинете!

– Если честно, я потерялась.

– Серьезно?

– Ну, у вас тут настоящий лабиринт.

– Что ж, моя дорогая, тогда я вас проведу. Пойдемте. Кстати, – директор улыбается и подходит ко мне так близко, что я чувствую запах его дурацкого одеколона, – вам знакомо словосочетание «нить Ариадны»? Вашей тетки.

Я с интересом смотрю на него, а он улыбается еще шире:

– В древнегреческой мифологии именно Ариадна помогла Тесею, сыну Эгея, найти выход из лабиринта! И наши запутанные коридоры не должны приносить вам неудобств. – Мы шагаем вдоль кабинетов, мистер Барнетт вежливо молчит и ждет моего ответа, но я не знаю, что сказать. Пожимаю плечами и предполагаю:

– Возможно, я растерялась.

– Будет вам! По какой причине? Хотя, – говорит мужчина, открывая дверь в свой кабинет, и пропускает меня вперед, – не отвечайте. Я догадываюсь, в чем проблема.

– Правда?

Мистер Барнетт кивает, приподняв уголки губ, а затем усаживается за огромный деревянный стол, заваленный документами, папками и прочей дребеденью. Солнце лениво освещает его пожилое лицо, но я почему-то думаю, что этому мужчине нет и пятидесяти. Слишком молод его голос, и огонек блестит в глазах.

– Мы в Астерии судим людей по их родословной, – ворчливо комментирует он. – У вас она довольно интересная, вы понимаете, о чем я. Совсем неудивительно, что здесь вам не доверяют, мисс Блэк. Издержки Средневековья. Недостатки воспитания.

– Южное гостеприимство, – добавляю я, фальшиво улыбаясь.

– И то верно, мисс Блэк! Но хочу, чтобы вы помнили: когда вы пересекли порог моей школы, вы начали новую жизнь. И да, меня не волнует это, – он кивает на толстую папку, лежащую на его столе: наверное, мое личное дело, – и это, – теперь он указывает на какой-то лист с круглой ярко-синей печатью. – Ваше прошлое осталось позади. Я забуду о нем, и вам советую. А люди... Переубедите их!

– В смысле?

– Они считают вас такой же странной, как и ваши тетушки. Норин и...

– ...Мэри-Линетт.

– Верно! – он щелкает пальцами и указывает на меня. – Вылетело из головы.

– Не понимаю, чем моя родословная вам так приглянулась. О чем шепчутся люди?

Директор откашливается и поудобнее устраивается в кресле:

– Узнаете, моя дорогая. Вам придется узнать.

– Вы меня заинтриговали.

– Хорошо, что не испугал! Двери моего кабинета всегда открыты. Если будут какие-то проблемы, обращайтесь. И постарайтесь привыкнуть к тому, что в Астерии на вас накинута, как на свежее мясо. У нас редко появляются новенькие.

– Я заметила, – усмехаюсь и пожимаю плечами. – Мне можно идти?

– Да. Возьмите расписание у секретаря.

– Хорошо.

– Мисс Блэк, – слышу я уже на пороге, оборачиваюсь и замечаю, что мужчина нервно дергает уголками губ, – постарайтесь не попадать в неприятности, пусть я и понимаю, что неприятности определенно попытаются свалиться на вашу прекрасную голову.

Он улыбается, но что-то мне подсказывает, что он тоже верит во все байки, рассказанные про моих тетюшек. Интересно! Сегодня же устрою дома допрос с пристрастием.

– Конечно, – я улыбаюсь и киваю. – Буду стараться изо всех сил.

Выхожу из кабинета с выпрямленной спиной. Если люди хотят видеть во мне девушку с темными тайнами, опасными родственниками и черным прошлым – хорошо.

Так даже веселее.

Смотрю на листок с расписанием и морщусь: *черт возьми!* Тетя Норин сошла с ума? Господи, вот это предметы! Химия? Биология? Астрономия?

– Проклятье! – вырывается у меня. Литература два раза в неделю, зато почти каждый день биология. Это что, карма? Да, я помню, что клятвенно пообещала люцерне ходить на уроки, но не на такие же.

Я иду по широкому коридору. Подростки не перестают разглядывать меня, а я надеюсь быстро отыскать нужный класс. Меня безумно раздражает перспектива находиться под пристальным вниманием всех и каждого, но против клише не попрешь. Таков банальный стереотип: *если ты новенький, выкуси по полной программе*. А кто я такая, чтобы эти стереотипы разрушать?

Спрашиваю у какой-то бледной девушки, где кабинет биологии, и она как-то робко показывает вперед. Ну и реакция у людей на меня, сразу и не привыкнешь.

Я хмыкаю, иду дальше и наконец нахожу нужный класс. Захожу и передаю учителю формуляр.

– Мисс Блэк? Добро пожаловать! – его голос звучит вовсе не доброжелательно.

Он пишет что-то в моей бумажке, а я тайком наблюдаю за классом. Кто-то робко перешептывается, некоторые внаглую изучают меня, как экспонат в музее. Парни на задних партах толкают друг друга и ржут, я громко вздыхаю.

Парты в классе необычные, стулья низкие, почти никто на них не сидит. В основном ребята, видимо, работают стоя.

– Вот, возьмите, – учитель, неприятный и лысый тип, протягивает мне формуляр, на его лице мелькает подобие улыбки, – садитесь. Звонок уже прозвенел.

«*Садитесь*». Звучит как «сломайте шею, пока ищите свободное место». Или, может, это какая-то особая шутка? Никто не сидит, а вы, мол, садитесь. В лужу.

Еще раз оглядываю класс, нервно переминаюсь с ноги на ногу и понимаю, что лишь один человек в кабинете на меня не смотрит, а стоит у стола и конспектирует что-то в своей тетради. *Парень*. Ну, естественно. Еще бы свободное место нашлось рядом с какой-то милой девчонкой. Планета перевернулась бы и разлетелась на части. С виду парень нормальный: ни татуировок, ни сальных волос. Стоять без движения больше нельзя, и, так как никаких вариантов в голову больше не приходит, я останавливаюсь рядом с высоким незнакомцем и скидываю с плеча сумку.

Парень медленно поднимает на меня взгляд, а я через силу цежу:

– Привет.

Он несколько секунд меня осматривает, а потом отворачивается и продолжает что-то записывать в толстой тетради. Ага, неразговорчивый – то что нужно.

– Сегодня второй и завершающий этап лабораторной, – лениво объявляет учитель. У него лысина так блестит и сверкает, будто бы он целое утро натирал ее воском. – Никто не уйдет, пока не сдаст работу. Вас это тоже касается, мисс Монфор.

– Вообще-то Блэк, – поправляю я, выдавив жуткую ухмылку.

– Кстати, поприветствуйте нашу новую ученицу. – По кабинету проносится какофония звуков, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закрыть руками лицо: какой кошмар. – А теперь приступайте. Живее!

Отлично. Первый урок, а уже возненавидела биологию. Отворачиваюсь от учителя и перевожу взгляд на парня. Наверное, ему не очень-то хочется работать со мной.

Парень высокий, выше меня на голову уж точно. У него черные волосы, на подбородке широкий кривой шрам. Любит подражаться? А так и не скажешь.

– Фанатка «Рамоунз»?

Облокотившись о высоченную парту, я удивленно вскидываю брови:

– В смысле?

– Твоя футболка, – парень отрывает взгляд от тетради и указывает на надпись.

Не думала, что он заметил, и растерянно встряхиваю волосами:

– Ну да.

– Круто. – Он возвращается к работе и практически ложится на стол, записывая на полях какие-то вычисления. Я придвигаюсь ближе.

– Чем вы тут занимаетесь? Это биология, а не ядерная физика.

– Не любишь биологию?

– Это вопрос или утверждение?

– Значит, не любишь.

– Нет, – качаю я головой, – терпеть ее не могу.

– Тогда тебе не повезло.

– Почему?

– Она почти каждый день.

Смеюсь и усаживаюсь на маленький табурет, который здесь явно в насмешку называют стулом. Теперь я почти скрыта от глаз лысого учителя, и мне становится немного легче.

– Какая тема лабораторной?

– «Плазмолиз и деплазмолиз в клетках эпидермиса лука».

Хлопаю ресницами и смотрю на парня так, словно он свихнулся. Неужели он только что взял и выговорил это вслух? Да, я нашла отличного напарника. Может, он и списать даст? В конце концов, он первый, кто не сказал ни слова о моей семье.

– Послушай, работу надо сдать сегодня. Но я...

– Бери, – незнакомец кивает на записи и приближается к микроскопу. – Естественно, ты не успеешь. Я в курсе. – Он меняет стеклышки, крутит что-то на штативе, а я гляжу на него заторможенно. Добрых людей не бывает. Или он идиот, или задумал что-то. – Быстрее только, я собираюсь сдать работу и уйти раньше.

– Хорошо, спасибо, – я встаю со стула и достаю из сумки единственную тетрадь, которую взяла для всех предметов. Открываю на первой странице, черчу таблицу, в точности такую же, как у парня, и кидаю на него косой взгляд. Он копошится с микроскопом. Станный. Вроде симпатичный, а любит учиться. Такое бывает? – Как тебя зовут? – неожиданно для самой себя спрашиваю я. Ну, кажется, я свихнулась, раз решила первой пойти на контакт.

Незнакомец глаз от прибора не отнимает и спокойно отвечает:

– Мэтт. – А имя посредственное. Я ожидала услышать нечто громкое, вроде *Дамиан, Кристофер или Джером*. – А ты – Ариадна. – Он все-таки отрывает взгляд от микроскопа и смотрит на меня. Глаза у него темно-синие – только сейчас заметила. – Верно?

– Ари, – списывая, соглашаюсь я. Делаю я это быстро: у меня долгие годы практики.

– Как тебе Астерия?

– Интересный городок.

– «Рамоунз» тут не слушают, если что, – сообщает он.

– И почему?

– Ты видела церковь у въезда? А на центральной площади? У школы?

– Ого, так здесь все верующие. – Я смотрю на парня скептически: – Религиозная дыра?

– Что-то вроде того, – соглашается Мэтт и удаляет фильтровальной бумагой раствор поваренной соли с предметного стекла. – Ты все? Я хочу сдать работу.

– Еще пара секунд.

Облизываю губы и наклоняюсь над записями, словно собираюсь окунуться в них с головой. Волосы падают на тетрадь, я откидываю их, но они опять падают.

– На следующий урок нужно принести гербарные экземпляры растений одного сорта, – предупреждает меня парень, забрасывая вещи в черный рюкзак. – Если не хочешь больше списывать, подготовься.

– А если хочу? – Я ставлю точку, с довольным видом захлопываю тетрадь и передаю ее Мэтту. Он вскидывает брови, а я невинно пожимаю плечами: – Я не люблю биологию.

– А я не люблю, когда у меня списывают, так что пересиль себя, Ари. – Он забирает записи и коротко кивает: – Еще увидимся.

Я машу ему рукой. Кажется, мне действительно придется собирать этот чертов гербарий. Проклятье!

Глава 3

Тайны Монфор-л'Амори

Я с легкостью нахожу столовую. Следую за потоком подростков, сливаюсь с ними и становлюсь частью *неминуемого взросления*. Ученики так рьяно врываются в кафетерий, что сбивают друг друга с ног. Они хаотично разбредаются, а я останавливаюсь в проходе и осматриваюсь: так, и что дальше?

Понятия не имею, куда идти. Свободных столиков нет. Придется подсесть к кому-то, но в таком случае я лучше сразу на лбу себе выжгу: *идиотка* или *неудачница* – на выбор.

Я осматриваюсь, поправляю ремень сумки и неожиданно замечаю Хэрри, сидящего за круглым столиком в глубине столовой. Отлично. Вот и спасение. Парень машет мне рукой и кивает раз, наверное, десять, и я иду к нему, едва заметно усмехнувшись. Странный. Он очень-очень странный. Нужно сказать ему, чтобы он перестал зачесывать набок волос.

– Привет еще раз, – говорю я, садясь напротив. Парень смущенно поправляет очки и кивает – в одиннадцатый раз. – Думала, ты не придешь.

– И я так думал. В смысле думал, что не придешь ты, а не я.

– Отлично. Вот мы оба здесь.

– Да. Ну... – Хэрри чешет шею, – как тебе первый день? Уже завела друзей?

– Интересный вопрос, Хэйдан. Дай подсчитаю! – Я задумчиво загибаю пальцы, гляжу куда-то в потолок и киваю: – У меня появился один друг.

– Один?

– Один.

– И кто он?

– Ты, конечно, я ведь с тобой сижу.

– Я твой друг? Офигеть! – Хэрри широко улыбается и двигает очки на переносице.

– Тебя это так удивляет? – Если честно, меня это тоже удивляет, ведь Хэйдан следил за мной, а потом начал тараторить про какую-то вуду-магию. – Ты милый парень.

– Я милый парень, – довольно повторяет он и хвастливо говорит какой-то девчонке, проходящей мимо: – Она сказала, что я милый, ясно?

О господи! Я смеюсь и достаю из сумки еду, которую мне дала тетя Норин. Есть хочется так жутко, что я раскрываю пакет дрожащими пальцами.

– Зачем ты шел за мной? – жуя сэндвич, интересуюсь я. Хэрри перестает улыбаться и придвигается ко мне почти вплотную, облокотившись на стол. – Что?

– Ты не знаешь?

– Чего не знаю?

– На тебя все смотрят.

– Я новенькая.

– Но дело не в этом, Ариадна. – Хэйдан морщит густые брови, торчащие из-под очков, и я недовольно вздыхаю. – У тебя семья...

– ...очень странная, – заканчиваю я, встряхнув волосами. – В чем проблема?

– В смысле?

– Что не так с моими родственниками? Я здесь всего сутки, но уже ощутила весь шквал южного гостеприимства. Или вы спятили, или я сошла с ума. Одно из двух.

– Удивительно, – поражается парень и откидывается на спинку стула, вид у него недоуменный, – как ты не можешь знать о том, о чем знают все?

– И о чем все знают?

– О том, что с семьей Монфор связываться опасно.

– Опасно? – смеясь, повторяю я и опускаю голову. Волосы каскадом падают на стол. – Ну да, тети Норин и Мэри-Линетт действительно ночные головорезы. Как ты узнал?

– Тебе смешно? – спрашивает он, подперев ладонями подбородок, а я киваю. Мы так и буравим друг друга взглядами, пока Хэрри не усмехается: – Только подумать, город на ушах стоит, а ты смеешься.

– Ты тоже смеешься.

– Это нервное, а я, знаешь ли, часто нервничаю. У меня даже язва развилась, теперь я ем только невкусную еду. В смысле, полезную.

Я вновь смеюсь, оглядываюсь и внезапно примерзаю к месту. Руки заледенели, легкие сводит судорогой. Пытаюсь шевельнуться, но не могу. Смотрю на гигантские окна, которые, будто стены, огораживают кафетерий, и не дышу. За прозрачной стеной стоят дети. Среди них маленькая девчонка лет восьми или девяти с угольными волосами. Я ощущаю слезы. Они застревают в глазах, словно щепки. Время замирает, есть эта девочка, ее искренняя улыбка, тонкие ручки и смешной сарафан. Лора любила такие вещи.

Я любила Лору.

Призрак моей сестры так и стоит перед глазами: смеющийся и *живой*. Вот она идет в желтом сарафане, держит меня за руку, хохочет. Просит покатать ее на спине, купить шоколадное мороженое с миндальной стружкой. И я покупаю, потому что, как сильно я ни пыталась бы выглядеть взрослой надменной сестрой, я обожаю этого маленького монстра, который изо всех сил сжимает мои пальцы. *Вот же она – здесь*, за стеклом, в двух или трех шагах от меня. Я приподнимаюсь, судорожно замираю, а детей уже нет. Лоры уже нет.

Сердце неистово громыхает в груди. Этот стук заполняет кафетерий, забивает все звуки, которые могли бы вернуть меня к реальности. Я гляжу на стеклянную стену, в окно и мечтаю опять увидеть эту девочку, опять увидеть Лору.

– Эй, ты чего? Эй!

Резко оборачиваюсь. Хэрри уже не сидит напротив, а стоит рядом и теребит меня за плечо. Я растерянно хлопаю ресницами.

– Все в порядке, Ари? Ты, кажется, отключилась.

– Я... я просто... – Оглядываюсь и вижу, что все в столовой смотрят на меня и молчат. Вот почему не слышно звуков – их нет. – Мне пора идти.

Я резко срываюсь с места и закидываю в сумку еду.

– Пойти с тобой? – взволнованно спрашивает Хэйдан. Он нервно поправляет очки, а я встряхиваю волосами, отрицательно качая головой. – Точно?

– Все нормально.

– Но, Ари...

– Еще увидимся.

Я срываюсь с места и несусь к выходу, вдруг замечаю взгляд Мэтта. Он, как и все, глядит на меня растерянно. Вот и подтвердились опасения горожан: я чокнутая.

Выбегаю из школы и решительно иду в неизвестном направлении. Руки до сих пор трясутся, и мне кажется, я действительно видела Лору, чего быть не может. Вероятно, я сошла с ума. Люди говорят, какая моя семья странная. Может, так и есть?

Я перебегаю дорогу, оглядываюсь и вижу черную крышу школы, которая через какое-то время становится лишь смазанным пятном, но даже сейчас я ощущаю презрительные и недоуменные взгляды толпы. Подростки глазели на меня. Глазели и молчали.

Я залетаю, словно торнадо, в магазин. Достая из кармана пять монет, хватаю с прилавка воду и подбегаю к кассе, меня быстро обслуживают. Тут же открываю бутылку и пью как одержимая. Горло саднит и першит. Я чувствую себя слетевшей с катушек. Выхожу из магазина и выдыхаю. Я должна взять себя в руки. Ничего ведь не произошло.

– Да, – киваю самой себе и вновь отпиваю воду. – Все в порядке, все отлично.

Прячу бутылку в сумку и ерошу волосы. Они отдают бронзой на солнце. Мне никогда не нравился рыжий цвет, а мама их любила. Говорила, у бабушки были такие же.

На самом деле о родных мне известно мало. Честер Монфор – мой дед – умер почти четырнадцать лет назад. Силест Монфор – три года назад. В живых со стороны мамы не осталось никого, кроме Норин и Мэри-Линетт.

О папе я знаю больше. Его родители живут на западном побережье – Кларисса и Сэм Блэк. У них трехэтажный домик, большой катер и огромный бежевый лабрадор. Ну и не стану лгать: катер они любят больше, чем меня, мою маму и всю нашу семейку, потому виделись мы с ними всего два раза за всю мою жизнь: на Рождество одиннадцать лет назад и на первый день рождения Лоры. Как-то я спросила у отца, в чем дело. Он ответил, что его родители – своеобразные, упрямые люди, ему пришлось нелегко, когда он сбежал от них в Астерию. Собственно, поэтому органы опеки и приняли решение отправить меня к тетушкам на восток, а не в Риверсайд – райскую Калифорнию.

Сейчас я жалею, что задавала мало вопросов. Как узнать правду, если не у кого спрашивать? Нужно провести собственное расследование.

Я усмехаюсь и качаю головой. Бреду вдоль единственной знакомой мне дороги, по которой я шла утром с Хэрри, и неожиданно замечаю на перекрестке столпившихся людей. Они мнутя около машины. Не сразу понимаю, в чем дело, пока не вижу смятый велосипед под ее колесами.

– О нет, – вырывается у меня. Авария. Люди в панике, а меня пробирает дрожь.

Неожиданно рядом со мной появляется незнакомка. Огромными, налитыми ужасом глазами она смотрит на место аварии и не двигается. Она жутко бледна, наверное, под колеса попал ее знакомый. Сначала я хочу пройти мимо, но потом невольно застываю:

– Вы как? Вам нужна помощь?

Незнакомка молчит. Ее стертые в кровь руки трясутся и кажутся совсем тонкими.

– Врачей вызвали? – вновь спрашиваю я. В курсе ведь, что ей не до разговоров, но почему-то не могу заткнуться. – Велосипедист сильно пострадал?

– Сильно, – наконец отвечает она.

Я приглаживаю ладонью волосы и подбегаю к толпе. Нужно вызвать «Скорую»! Почему никто не вызвал «Скорую»? Злость вспыхивает во мне – на кону каждая секунда, а все лишь болтают!

– Вызвали «Скорую»? – спрашиваю я у пунцовой от жары женщины. – Вызвали?

– Я не...

– Что? Эй! – я хватаю под руку какого-то низкорослого мужчину и с силой тяну на себя. У него порез над бровью. Кажется, именно он сбил велосипедиста. – Что вы сделали? – Мои глаза округляются и наливаются непонятной мне обидой.

– Я не хотел, я не видел...

– Кого не видели?

– Ее! – восклицает он и закрывает волосатыми руками лицо. Его шатает из стороны в сторону. – Она неожиданно вывернула из-за угла.

Я рассматриваю кровавое пятно на сером асфальте, заломленную руку, синеватые ниточки вен, которые тянутся по локтю к плечам и шее, безжалостно стертой асфальтом.

А потом вижу бледное лицо с огромными распахнутыми глазами.

Мне нечем дышать.

– О господи, – шепчу я, прижав ладони ко рту, – не может быть.

Качаю головой, вновь смотрю на девушку, а потом отскакиваю назад, будто бы меня пихнули в грудь. Оборачиваюсь. Мир кружится, смазывая картинки вокруг. Я вспоминаю, как несколько минут назад разговаривала с этой девушкой, и никак не могу соединить две состав-

ляющие в одну линию: как же я могла с ней говорить, если она лежит под колесами машины? Спину обдает холод. В панике я оглядываюсь, но ничего не понимаю.

– Невероятно!

Резко срываюсь с места. Я должна уйти. Уйти отсюда!

Какая-то женщина говорит за моей спиной: «Это же Монфор!» Поднимается гул. Меня провожают настороженными взглядами, а я бегу со всех ног, не обращая ни на кого внимания. Наплевать! Наплевать! Что это было? Я сошла с ума?

– Нет, это какая-то бессмыслица!

Я не могла видеть эту девушку, не могла говорить с ней. Наверное, у меня жар. Или переутомление. Я не спала почти всю ночь и толком не ела. Это галлюцинации, как и те, что были у меня после аварии, когда я почти каждый день видела маму.

Смахиваю с лица испарину, я наконец у коттеджа Монфор-л'Амори. Не помню, как врываюсь внутрь, как взбегаю по лестнице. Влетев в комнату, я закрываю спиной дверь с такой силой, что она болезненно взвизгивает.

Итак. Я глубоко втягиваю воздух и закрываю глаза. Нужно взять себя в руки. Плечи медленно опускаются, пальцы перестают дрожать. Спокойно отхожу от двери и сажусь на край кровати. В жизни все просто, странностей мало. Мы сами делаем скоропалительные выводы, а потом верим в то, чего нет. Сейчас я должна взять под контроль эмоции, прекратить глупую панику и понять, что со мной произошло.

Я столкнулась с девушкой и говорила с ней. А потом увидела ее же под колесами машины. Не хочется нагнетать обстановку, серьезно, уж поверьте мне, но девушка действительно точная копия той незнакомки, что стояла со мной рядом. Сколько тут вариантов? Один: у пострадавшей есть сестра-близнец. Вот и все – дело раскрыто!

Однако та самая часть меня, из-за которой обычно и возникают все проблемы, воеет от ужаса, забившись в дальний угол, и говорит: тут что-то нечисто.

В жизни странностей не происходит, а если происходит – поезжайте в клинику. Но стоит ли мне собирать вещи? Мне показалось, что я увидела... Кого? Привидение?

– О боже, – вырывается у меня, и неожиданно для самой себя я смеюсь, – ты спятила, Ари.

Я стягиваю с ног кроссовки и валюсь на кровать. Интересный способ у моих дефектных мозгов абстрагироваться от травмы, полученной после аварии.

Издав недовольный стон, я поднимаюсь на ноги. Плетусь в ванную комнату и сижу там час, если не больше. Вода в ванной давно остыла, волосы липнут к спине. Ноги я поджимаю к груди. Не двигаясь, я просто смотрю в одну точку на белом кафеле и думаю: «А что, если я действительно сошла с ума?»

Я опускаюсь на самое дно, крепко зажмурив глаза. Если первый день в этом городке был таким ярким и запоминающимся, что будет завтра? Черт, мне даже подумать страшно.

Выныриваю и слышу, как кто-то стучит в дверь.

– Ари? Все в порядке?

– Да, – отзываюсь я, – что-то случилось?

– Спускайся к ужину. – Кажется, это тетя Норин. – Еда остывает.

К ужину? В смятении застываю. Который час? Сколько я просидела в ванной?

– Хорошо. Сейчас выйду.

Тетя уходит. Прекрасно! Со мной явно что-то происходит, и это начинает меня раздражать.

Я спускаюсь, вытирая волосы полотенцем. Тетя Мэри сидит за столом, а Норин крутится у плиты. На ней опять этот дурацкий фартук.

– Мы уже подумали, ты утонула, – язвит Мэри-Линетт, откусывая яблоко.

Сажусь на стул и поджимаю под себя ноги. Норин раскладывает приборы.

– Тебе помочь?

– Нет, уже готово. – Тетушка чуть раздвигает губы, и я улыбаюсь – рада видеть улыбку на лице тети Норин, ведь она так редко там бывает. – У тебя все хорошо?

– Ага.

– Точно?

– Да, вполне.

– Как дела в школе? – Мэри-Линетт хитро прищуривается. – Только не ври, мы тоже в школе учились и помним, какое это паршивое место.

Задумываюсь, сказать правду или солгать. Признаться, что видела нечто странное или промолчать? Норин и Мэри-Линетт теперь самые близкие люди, но я не доверяю им.

– День был *необычным*, – медленно начинаю я, краем глаза наблюдая, как тетя Норин садится рядом с Мэри-Линетт и раскладывает на коленях салфетку. – Я вступала в разговор раз восемь. Из них шесть – с учителями.

Тетушки молчат, невинно изучая меня похожими взглядами. Притворяются? Что ж, ладно. Я набираю в грудь побольше воздуха и продолжаю:

– Ребята не обрадовались, когда к ним в школу пришла девушка из семьи Монфор.

– И почему же? – спрашивает тетя Норин, накалывая на вилку макаронину.

– Это вы мне объясните.

– Просто ты новенькая, вот и все. Со всеми так бывает.

– *Новенькая*, – эхом повторяю я, не сводя глаз с тетушек. – Серьезно?

Они спокойно едят, звеня приборами о тарелки, а я протяжно вздыхаю, поникая. У них явно отсутствует актерский талант, лгать они абсолютно не умеют.

– Мама рассказывала мне истории про вашу бабушку *Рамону Монфор* и ее «умение предсказывать погоду». Чушь ведь, правда? Но, видимо, люди в Астерии реально во все это верят! И верят серьезно, потому что целый день на меня смотрели так, будто я как минимум вестник апокалипсиса.

– Вестник апокалипсиса, – усмехается тетя Мэри и отпивает красного вина, – тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? С чего бы им так о тебе думать.

– Это я и хочу узнать. Почему люди в Астерии так относятся к нашей семье?

– Как относятся? – интересуется тетя Норин, чем ужасно выводит меня из себя. Черт возьми! Мне приходится сжать пальцы, чтобы не треснуть кулаками хорошенько по столу.

– Вы понимаете, о чем я.

– Люди много говорят, Ари. Но кто сказал, что им стоит верить? Это давнее дело, и к нам оно никакого отношения не имеет.

– Что за дело?

– Ну ты и сама догадываешься, – отвечает тетя Мэри. – Рамону считали... считали ведьмой.

– *Ведьмой*, – пробуя слово на вкус, повторяю я и чувствую, как ужас подпрыгивает к горлу.

– Но это, конечно же, слухи, – замечает она.

– Хороши слухи, раз ходят по Астерии уже десятки лет.

– Ну а о чем еще разглагольствовать помешанным фанатикам? – Мэри сводит брови, и тетя Норин легонько толкает ее в бок. И Мэри-Линетт поспешно добавляет: – Я это к тому, что люди в Астерии верующие, а именно такие чаще других обсуждают нечисть и прочую несурязицу, связанную с дьяволом и чертовщиной.

– Но вы в эти рассказы не верите, правильно?

– Рассказы, – подхватывает тетя Норин, кивая, – ты подобрала верное слово, Ариадна.

– Выходит, жители Астерии считали Рамону провидицей?

– Они считали ее ненормальной, издевались и подшучивали за спиной, пока однажды не сбылось то, что она *предвидела*, – Мэри показывает в воздухе кавычки. – Кажется, она сказала, что скоро умрет дочь пастыря.

– Да-да, – кивает Норин.

– Ну так она и умерла. Утонула.

– Выходит, Рамона все-таки не обманывала? – не успокаиваюсь я. – Она видела будущее?

– Я тебя умоляю, Ари! Это простое совпадение, а люди повелись. Бабушка наша была своеобразной женщиной.

– Сумасшедшей, – поправляет Мэри и кривит губы в усмешке. – Seriously, она выдумывала такой бред, что поверить ей могли только дураки. Но люди верили.

– Потому что люди такие и есть – *глупые*, – добавляет Норин и поправляет салфетку. В ее глазах проносится грусть. – Не стоит обращать внимания. Люди никогда и ни на секунду не замолкают. Говорят вечно, не думая, что и зачем.

– Сейчас им хочется обсудить новенькую, которая вдобавок из семьи Монфор! Вот же повезло! – возмущается Мэри-Линетт. – Ну и пусть говорят. Наплюй!

– Не понимаю, – недоуменно хлопаю я ресницами, – прошло столько времени. С чего они на нас взъелись? Рамона Монфор жила здесь пятьдесят лет назад!

Тетя Норин отворачивается, а Мэри-Линетт, наоборот, наклоняется ко мне:

– Да просто этот городок настолько скучный, что за полвека здесь ничего больше не случилось. – Она накрывает мои пальцы ладонью и улыбается: – Не переживай!

– Я не переживаю.

– В каждой семье свои секреты.

Выходит, Рамона Монфор-л'Амори была ненормальной? *Иудачливой* к тому же, раз ее предсказание сбылось. Но, возможно ли, чтобы ее болезнь передавалась по наследству? Может, теперь и я слетаю с катушек? Проклятье, не знаю, что и думать!

Тетушки смотрят на меня так спокойно, что это даже раздражает, но я чувствую, нет, знаю: они что-то скрывают. Вот только зачем?

Глава 4

Эксперимент

– Рассмотрите четыре экземпляра растений одного вида! – вяло предлагает лысый учитель и со скучающим видом складывает на животе руки. – Опишите фенотип каждого растения, используя таблицу, которую вы видите на доске. Эта лабораторная работа легкая. Меня не волнует, если вы считаете иначе. Тетради должны быть у меня на столе со звонком.

Отлично. Просто замечательно. Мне всю ночь снилась девушка, которая вроде бы как попала под машину. Я толком не спала и отрубилась лишь с рассветом.

К тому же тетя Норин целое утро была какой-то рассеянной. Разбила чашку, мне в глаза не смотрела. Все теребила воротник свитера, словно у нее аллергия, и молчала. Не знаю, что с ней. Хотела найти Мэри-Линетт, чтобы спросить, все ли в порядке. Но она уехала на работу. Тогда-то я и задалась вопросом: а где работает тетя Мэри.

– Что ты принесла? – спрашивает Мэтт, усевшись напротив на маленький стул.

– Дуб и каштан. – Я сорвала их по дороге, потому что вчера совершенно забыла про биологию, но парню об этом знать необязательно. – А ты?

– Рожь и ячмень.

– Неужели тебе действительно интересно этим заниматься?

– Нет, мне действительно хочется поступить в хороший университет.

– Надеешься на стипендию?

– А ты нет?

Я задумчиво застываю и пожимаю плечами:

– Я об этом даже не думала.

У Мэтта выразительные глаза. Сейчас они смотрят на меня так, словно я проговорила нечто на эсперанто. Он вскидывает брови:

– Ты не собираешься поступать в колледж?

– А это так важно?

– Да, – неуверенно отвечает он, – ты же не собираешься всю жизнь торчать здесь.

– Я в Астерии всего два дня, а ты уже меня прогоняешь, – улыбаюсь и придвигаюсь к Мэтту так близко, что вижу фиолетовые крапинки в его сапфировых глазах.

– Делать здесь нечего.

– Говоришь так, будто ненавидишь это место.

– Возможно, – парень пожимает плечами и отодвигается.

Он склоняется над своей тетрадкой и начинает чертить таблицу. На его лбу образуется складка. Никогда не видела, чтобы кто-то так ответственно и серьезно подходил к биологии.

– Почему?

– Что?

– Почему ты не любишь этот город? – я с интересом смотрю на парня. Он поворачивает голову и криво улыбается:

– «Религиозная дыра», забыла?

– Так дело в церквях.

– В их огромном количестве, – исправляет он и вновь на меня смотрит. Мне нравится с ним общаться, и я вдруг пугаюсь, что в какой-то момент мне понравится *и биология*.

– Причина только в этом?

– Нет. Естественно, причин много, Ари.

– Так расскажи. Я, может, тоже захочу убежать.

– Это сложно! – Мэтт откладывает карандаш. – Город настолько маленький, что все знают друг друга в лицо. Однако это не мешает пускать сплетни, говорить чушь и собираться на службе каждое воскресенье, чтобы восхвалить Бога за его милосердие. Я смотрю на это с некой долей скептицизма и отношусь к тем, кто не видит ничего классного в разбавлении чтения псалмов на церковных уроках еще и хождением в храм.

– Тебя это не на шутку волнует!

– Хочу сменить обстановку, уехать куда-нибудь. Вот ты откуда?

– Из Северной Дакоты.

– И почему ты уехала?

Рассеянно роняю ручку и успеваю придавить ее ладонью до того, как она свалится на пол. Мэтт ждет, а у меня горло как будто наполнено кирпичами.

– Там холодно, – неожиданно шепчу я, поправив волосы, – и мало солнца.

– Холодно и мало солнца? – недоверчиво переспрашивает он.

Киваю. Парень продолжает чертить таблицу, а я нагло у него списываю. Потом он говорит:

– Вчера ты убежала из столовой.

Ну, отлично. Давай поговорим об этом!

– И что? – выпрямляюсь я и складываю руки на груди.

– Ничего. Просто это выглядело довольно странно.

– А разве ты не слышал, у меня вся семейка странная.

– Слышал. Но я уже сказал тебе, как отношусь к слухам.

– Слухи не появляются из воздуха, Мэтт.

– Да, их выдумывают обыкновенные люди, Ари.

Мы буравим друг друга взглядами, а затем я все-таки усмехаюсь и отворачиваюсь. В груди у меня теплеет и становится как-то спокойно. Неужели в этом городке есть хотя бы один человек, который не считает меня сумасшедшей?

– Куда ты хочешь поехать учиться? – интересуюсь я, вернувшись к работе. Мы так близко, что наши локти соприкасаются. – У тебя наверняка все расписано.

– Если честно, мы с Джил уже все продумали.

– С Джил?

– С моей девушкой, – кивает Мэттью, а я растерянно застываю. – Ей всегда хотелось в Европу, но я реалист. Рассчитываю только на те штаты, что находятся рядом.

– И на какие? – чужим голосом спрашиваю я и немного отстраняюсь. Почему я сразу не поняла, что у него есть девушка? Неудивительно. Мэтт добрый и ответственный. Такие парни непопулярны в средних классах, но становятся объектами преследований в старшей школе, когда у девушек просыпается здравый смысл.

– Честно? Мне все равно, Ари. Я просто хочу уехать.

– Верно. Что-то мне подсказывает, что у тебя все получится. – Я искоса смотрю на него, а он широко улыбается. Довольный, будто бы я его благословила. – Что?

– Ничего.

– Почему ты так смотришь?

– Как? – Мэтт улыбается. – Я вообще на тебя не смотрю. Черчу нам таблицу. Ты ведь не любишь биологию, правильно?

– Правильно, – я смущенно поджимаю губы и вновь подвигаюсь к нему поближе. Он хороший парень, даже слишком. – Как ты это делаешь? Боже, какая-то тупая трава.

– Это пшеница, Ари.

– Значит, тупая пшеница.

Мэтт вздыхает, и мы продолжаем заполнять поля, то и дело сталкиваясь локтями.

Сажу на скамейке, подставив лицо солнечным лучам. Как же это приятно. Тепло так и скатывается по моим плечам, впитывается в кожу. Я просидела бы здесь вечно, лишь бы отвлечься от мыслей, бродящих в голове.

Солнце играет на красноватых стволах деревьев. Я задумчиво разглядываю их, траву и черную землю, а затем прикрываю глаза и со вздохом откидываю назад волосы. Мне как никогда не хочется шевелиться, особенно идти домой. Что на этот раз я увижу по дороге?

От воспоминаний об изломанных руках незнакомки мне становится плохо.

– Ари! – доносится знакомый голос, и я выпрямляюсь.

Довольно помахивая рукой, ко мне плетется Хэрри в широченных темных джинсах и рыжей футболке с надписью *Peace*. Он останавливается перед скамейкой, я приветливо улыбаюсь:

– Привет, Хэйдан.

– Привет, как ты? – Парень плюхается рядом и бросает на колени книжки. – Ты вчера так стремительно убежала, я даже опомниться не успел. Все в порядке?

– Ну да.

– У тебя уже закончились уроки?

– Закончились, но я решила посидеть немного. Тут очень красиво. – Оглядываюсь и в который раз улыбаюсь. Я сама на себя не похожа. – А ты освободился?

– Не меняй тему!

– Ого, – удивленно восклицаю я, – а ты настойчивый.

– Мне показалось, что вчера ты испугалась.

– С чего ты взял? – Я с силой сжимаю край скамейки.

– Ари, я ношу очки, но я не слепой. И да, мы едва знакомы, – парень нервно потирает переносицу и глядит куда-то вперед, – но ты можешь поделиться. Правда!

– И с какой стати мне тебе доверять?

– Кому-то ведь надо.

– И, конечно, именно тебе.

– Ты сказала, я твой друг.

– Так и сказала? – наигранно интересуюсь я.

– Именно. Еще ты сказала, что *я милый*, – уточняет он, а потом переводит на меня взгляд и улыбается. – Так что, ты сама напросилась.

Я вздыхаю. Гляжу на голубое небо и пожимаю плечами:

– Мне показалось, что я увидела свою сестру.

– Она тоже переехала в Астерию?

– Нет. – Я сгибаюсь и стискиваю зубы. – Она умерла. Погибла в автокатастрофе, как и мои родители полгода назад.

Хэйдан растерянно замирает. Не хочу смотреть на него, ведь знаю, что увижу. Все одинаково реагируют на такие слова, их лица перекашивает от жалости и шока. Они мало что понимают, но из кожи вон лезут, притворяясь, будто понимают все.

– Ари, – наконец говорит Хэйдан, – это паршиво.

Я нервно усмехаюсь и гляжу на парня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.